

На правах рукописи

Горемычкин Игорь Евгеньевич

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ О ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В ИНСТИТУТЕ СОУЧАСТИЯ**

Специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»

- Научный руководитель: – **Пикуров Николай Иванович**
доктор юридических наук, профессор
- Официальные оппоненты: **Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра уголовного права, профессор кафедры
- Новиков Валерий Анатольевич**
кандидат юридических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, доцент кафедры
- Ведущая организация: Федеральное государственное казенное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Защита состоится «17» декабря 2020 г. в 12 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 170.001.02 на базе Университета прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15, конференц-зал.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке Университета прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.

С электронной версией автореферата можно ознакомиться на официальном сайте Университет прокуратуры Российской Федерации: <http://www.agprf.org>, а также на сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации: <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан 9 октября 2020 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

В.В. Меркурьев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На протяжении всего существования уголовного права одним из фундаментальных его институтов является институт соучастия в преступлении. Нормы этого института можно отнести к числу наиболее стабильных предписаний уголовного права. Тем не менее и они со временем претерпевают определенные изменения. Связано это как с качественными, так и с количественными изменениями в групповой преступности.

Криминальная обстановка последних десятилетий в России свидетельствует об экстенсивном развитии самых различных форм организованной преступности, включая террористическую. Поскольку данные виды преступности имеют транснациональный характер и угрожают всему мировому сообществу в целом, Россия имплементировала в свое уголовное законодательство ряд положений международных договоров, однако формулировка многих диспозиций норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за групповые преступления, с одной стороны, осталась неизменной, а с другой, – не вполне соотносимой с потребностями жизни. Реакция законодателя на эти изменения зачастую выражается в попытках ввести новые элементы в систему норм института соучастия, что приводит к рассогласованию взаимосвязанных предписаний. В этих условиях важная задача возлагается на доктрину уголовного права, которая должна обеспечить научное сопровождение реформы данного института. Требуется ревизии, казалось бы, устоявшиеся понятия института соучастия. Вслед за этим должна последовать и корректировка основных нормативных ориентиров для судебной практики. Наука уголовного права должна окончательно разрешить ряд насущных проблем института соучастия в целом, которые до сегодняшнего дня, несмотря на обилие научных трудов по этой теме, до сих пор не решены.

Соучастие в преступлении существует в уголовном праве одновременно в виде форм соучастия *sui generalis* (эти формы перечислены в статье 35 УК РФ) и форм соучастия особого рода (*sui generis*), которые отражены в нормах Особенной

части УК РФ и влекут самостоятельную уголовную ответственность. Эти два вида соучастия должны конструироваться и совершенствоваться на основе взаимосвязи и взаимозависимости между собой (род-вид), чего сегодня в отечественном уголовном праве не наблюдается. Многие составы преступлений об ответственности за организацию различных преступных сообществ (организаций) и участие в них сформулированы без учета общих признаков соучастия и в своем нынешнем виде дезориентируют правоприменителя. Это особенно важно с учетом возможной трансформаций одних форм соучастия в другие.

Вместе с тем, необходимо заметить, что проблемы возникают не только с определением соучастия в нормах Особенной части, претензии можно сформулировать и относительно норм о групповых преступлениях, содержащихся в Общей части Уголовного кодекса. Тот факт, что институт соучастия, отраженный в нормах Общей части УК РФ не подвергался изменениям на всем протяжении действия Кодекса несет в себе не только положительные моменты, отражающие принцип стабильности, но и ведет к определенному отставанию от меняющихся реалий. Действующие на сегодня нормы уже не соответствуют общественно-политическим, научно-техническим и криминальным реалиям современности. До сих пор на нормативном и доктринальном уровне не решен запрос практики о возможности соучастия с негодным субъектом, требуют законодательного решения вопросы квалификации всех участников организованной группы вне зависимости от выполняемых ими ролей, а также действий ненадлежащего специального субъекта в преступлениях, совершенных организованной группой. Криминальные реалии, международный и зарубежный опыт вынуждают пересматривать некоторые устоявшиеся, казалось бы, каноны отечественного уголовного права о минимально допустимом числе соучастников в наиболее организованных формах соучастия, о признании преступления, совершенного группой лиц, вне значимости от числа исполнителей, если имело место соучастие с разделением ролей и т.д. Крайне важным представляется выработать критерии, отличающие друг от друга организованную группу и

преступное сообщество (преступную организацию), поскольку эти две разновидности соучастия имеют ряд схожих признаков. Требуют дополнительного анализа некоторые положения статьи 210 УК РФ, что особенно актуально в свете недавних ее изменений Федеральным законом от 01.04.2019 N 46-ФЗ¹.

В условиях, когда закон умалчивает о решении вышеназванных проблем, за их решение берется судебная власть, что ставит под вопрос действие принципа разделения властей: Верховный Суд РФ начинает фактически создавать нормы о соучастии, что в современном демократическом государстве не допустимо и чревато произволом.

Между тем институт соучастия, несмотря на его многовековую историю, не является раз и навсегда оформившимся; он динамично развивается в условиях социально-технического прогресса общества, приобретает новые черты, а, значит, актуальность научных исследований этого института, как института групповых преступлений, продолжает оставаться неизменной.

Степень научной разработанности темы. В отечественной науке уголовного права институт соучастия в преступлении и уголовно-правовые вопросы групповой преступности подробно исследовались в трудах С.С. Аветисяна, П.В. Агапова, А.А. Арутюнова, Г.М. Андреевой, Ф.Г. Бурчака, В.М. Быкова, Р.Р. Галиакбарова, Л.Д. Гаухмана, Г.М. Геворгяна, П.И. Гришаева, А.С. Емельянова, Н.С. Ефимовой, Н.Г. Иванова, С.В. Инвацова, Л.В. Иногамовой-Хегай, М.И. Ковалева, А.П. Козлова, Г.А. Кригера, Н.А. Корягиной, А.В. Литвиновой, И.П. Малахова, Е.В. Михайловой, А.Н. Мондохорова, С.Н. Наумова, К.В. Ображиева, А.В. Павлинова, Н.И. Пикурова, В.С. Прохорова, А.А. Пионтковского, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, П.Ф. Тельнова, А.А. Толкаченко, А.Н. Трайнина, М.Д. Шаргородского, М.А. Шнейдера, А.В. Шеслера, П.С. Яни и др.

---

¹ См: Федеральный закон от 01.04.2019 N 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СЗ РФ №14 от 8 апреля 2019 года (Части I-IV). Ст. 1459.

Одной из последних фундаментальных работ по проблемам соучастия в отечественном уголовном праве явилась коллективная монография «Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания» (под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП. 2019)

Различным проблемам института соучастия в преступлении и групповой преступности были посвящены многочисленные диссертационные исследования таких авторов, как, например, Н.В. Дейнега, В.Н. Скотинина, Е.В. Епифанова, С.А. Ершов, С.В. Афиногенов, Д.А. Безбородов, Д.А. Мелешко, Ю.А. Клименко, А.Н. Мондохонов, М.В. Сидирякова, В.А. Новиков, С.Н. Наумов, И.П. Малахов, М.А. Саблина, Т.Н. Ермакова, Т.А. Бекботова, В.В. Малиновский, А.К. Субачев, Э.В. Трузян и др.

Вместе с тем, уголовно-правовой науке еще предстоит ответить на целый ряд вопросов, которые либо не подвергались исследованию вовсе, либо исследовались, но в незначительной степени. Так, остаются малоизученными правила уголовно-правовой оценки действий участников организованных групп, которые предлагает Верховный Суд РФ, включая их квалификацию с ненадлежащим специальным субъектом. Требуют уточнения критерии различия между организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией). Нуждаются в пересмотре изложенные в доктрине отечественного уголовного права положения о квалификации преступления, совершенного в соучастии с разделением ролей, при одном исполнителе. Требуют дальнейшего изучения взаимосвязь между формами соучастия *sui generalis* (указанными в Общей части УК РФ) и формами соучастия *sui generis* (специальными формами, содержащимися в Особенной части УК РФ), а также разрешение с учетом международного и зарубежного опыта возникающих между ними коллизий .

Цель исследования. Целью диссертационного исследования является решение наиболее важных проблем института соучастия в преступлении, имеющего четырехзвенную структуру, с тем чтобы усовершенствовать его нормативное изложение и адаптировать к современным криминальным реалиям, потребностям уголовно-правовой науки и судебной практики.

Для достижения указанной цели в диссертации поставлены следующие **задачи:**

- изучить структуру института соучастия в преступлении;
- проанализировать эволюцию института соучастия в преступлении в процессе развития отечественного уголовного права;
- исследовать международный и зарубежный опыт регламентации института соучастия и уголовно-правовую характеристику групповой преступности;
- выявить актуальные проблемы учения о соучастии, возникающие в современном российском уголовном праве, и предложить пути их решения;
- проанализировать формы соучастия *sui generalis* и формы соучастия *sui generis* в российском уголовном праве для их гармонизации и соответствия друг другу;
- провести сопоставительный анализ норм об ответственности за преступления, совершенные в соучастии «особого рода», для точного определения форм такого соучастия;
- предложить решения доктринального и нормотворческого характера о совершенствовании института соучастия в современных условиях, а также дать конкретные рекомендации для правоприменительной практики.

Объект исследования. Объектом исследования является совокупность общественных отношений, складывающихся в связи с уголовно-правовым регулированием соучастия в преступлении и групповых преступлений, практикой применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом в контексте учения об институте соучастия.

Предмет исследования. Предмет исследования составляют нормы международного, национального и зарубежного уголовного права, регулирующие противодействие совершению преступлений в соучастии, правоприменительная практика в данной сфере, включая акты судебного толкования уголовного закона, положения уголовно-правовой доктрины об институте соучастия в преступлении,

соответствующие социологические и статистические данные, касающиеся применения уголовно-правовых норм института соучастия.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования являлись законы материалистической диалектики. При подготовке настоящего исследования автором использовался весь арсенал общенаучных и частнонаучных методов познания. В числе общенаучных методов использовались системный метод, структурно-функциональный метод, метод индукции, метод дедукции, методы анализа и синтеза.

Частнонаучные методы, использованные диссертантом, включали формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, социологический методы. Формально-юридический метод применялся при анализе правового содержания института соучастия в преступлении и его форм и видов. Историко-правовой метод использовался при соответствующем динамическом анализе развития института соучастия в разные исторические эпохи, что проявлялось в его фиксации в актах древнерусского уголовного права, уголовного права Российской империи, советского и раннего постсоветского уголовного права. Сравнительно-правовой метод применялся при анализе актов зарубежного уголовного права об институте соучастия в преступлении и об ответственности за конкретные формы групповой преступности. Социологический метод использовался с целью выявления складывающихся на практике закономерностей и тенденций применения норм института соучастия.

Нормативную основу диссертационного исследования составили: Конституция Российской Федерации, нормы международного уголовного права об институте соучастия в преступлении, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы, отечественное уголовное законодательство предшествующих исторических периодов, уголовное законодательство стран ближнего и дальнего зарубежья, модельное законодательство Содружества Независимых Государств.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили: Постановления Пленума Верховного Суда РФ, касающиеся предмета

исследования, судебная практика, посвященная применению уголовно-правовых норм, регулирующих вопросы соучастия в преступлении и устанавливающих ответственность за совершение преступлений при различных формах соучастия за период с 2008 по 2017 гг., статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации за период с 1997 по 2019 гг., собственный опыт работы адвокатом, а также результаты изучения 97 уголовных дел о соучастии в преступлении, рассмотренных судами Москвы, Рязани, Санкт-Петербурга, Красноярска, Хабаровска, Московским окружным военным судом.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные труды ведущих ученых-юристов в области уголовного права и криминологии: П.В. Агапова, Ф.Г. Бурчака, В.М. Быкова, А.Э. Жалинского, Р.Р. Галиакбарова, Л.Д. Гаухмана, Г.М. Геворгяна, Дж. Флетчера, П.И. Гришаева, А.И. Долговой, И.Э. Звечаровского, Н.Г. Иванова, Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, М.И. Ковалева, Т.В. Кленовой, А.П. Козлова, Г.А. Кригера, Н.Ф. Кузнецовой, Л.Л. Кругликова, Ю.А. Красикова, В.Н. Кудрявцева, Н.А. Корягиной, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, В.В. Меркурьева, А.Н. Мондохорова, К.В. Ображиева, А.В. Наумова, А.В. Павлинова, Н.И. Пикурова, А.А. Пионтковского, В.С. Прохорова, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, С.В. Расторопова, П.Ф. Тельнова, А.А. Толкаченко, А.Н. Трайнина, М.Д. Шаргородского, М.А. Шнейдера, А.В. Шеслера и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что в ней предлагается пересмотреть некоторые устоявшиеся в российском уголовном праве каноны с тем, чтобы адаптировать институт соучастия к новым криминальным реалиям, и отразить эти изменения в действующем уголовном законодательстве. В работе, впервые в интегрированном виде дается сопоставительный анализ большинства норм Особенной части УК РФ в форме соучастия особого рода (*sui generis*) на предмет их соответствия формам соучастия, указанным в Общей части УК РФ (*sui generalis*) и формулируются новые по своему характеру предложения по устранению противоречия между ними с учетом норм международного права, а

также с учетом опыта развития данного института в отечественном и зарубежном праве.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Понятия «преступления, совершенное группой лиц» и «преступления, совершенное в соучастии» в уголовном праве необходимо рассматривать как синонимичные, поскольку при любой форме соучастия (сложное соучастие или соисполнительство) всегда участвуют несколько человек, чье совместное поведение обуславливает наступление единого для всех преступного результата. При этом число исполнителей преступления может быть любым.

Такие формы соучастия как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору (вне зависимости от числа исполнителей и иных соучастников), организованная группа, преступное сообщество (преступная организация) суть группы разного порядка, разной степени сплоченности, структурированности, устойчивости. Формы соучастия особого рода (*sui generis*) должны слагаться, применительно к преступлениям отдельных видов, на основе тех критериев, которые положены в основу строения форм соучастия *sui generalis*, перечисленных в статье 35 УК РФ (организованная группа и преступное сообщество (преступная организация)). В свою очередь, формы соучастия *sui generalis* должны корректироваться с учетом форм соучастия особого рода, поскольку на практике возможна прямая и обратная трансформация форм соучастия (от менее сложных к более сложным, и наоборот).

К группе относится также и то соучастие, которое не имеет формализованного в законе вида, когда существует лишь один исполнитель при наличии иных соучастников. Противоположный вывод означал бы несоответствие наименования этимологии слова «группа».

2. Структура уголовно-правового института соучастия в преступлении включает в себя: а) общие и специальные принципы уголовного права, при этом специальные принципы отражают специфику именно данного института и характерны именно для него; б) нормы Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации о формах и видах соучастия, и видах

соучастников; в) правовые позиции судов, применяющих нормы о соучастии, и, прежде всего позиции Верховного суда Российской Федерации и Конституционного суда Российской Федерации; г) доктринальные (научные) положения, которые могут выступать, в необходимых случаях, важнейшим руководством для правильного применения норм о соучастии.

3. Совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния вместе с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, не образует соучастия в преступлении, поскольку в действиях такого лица нет признаков преступления и, следовательно, отсутствуют признаки умысла, без которого соучастие невозможно. В этой связи предлагается следующая формулировка статьи 32 Уголовного кодекса РФ: *«Соучастием признается совместное умышленное участие в совершении умышленного преступления двух и более лиц, способных нести уголовную ответственность».*

4. Соблюдение Россией требований международных договоров в части уголовно-правового противодействия организованной преступности, требует внесения дополнений в Особенную часть УК РФ в виде статьи 210.1 «Организация транснациональной организованной группы или транснационального преступного сообщества (транснациональной преступной организации) или участие в них». Такое решение позволит восполнить пробелы в правовом регулировании ответственности соучастников, обладающих гражданством разных стран, действующих на территории разных государств в рамках единой организованной преступной группы, объединившейся для совершения транснациональных преступлений (например, таких международных террористических и экстремистских организации, как «Джебхат ан-Нусра» и «Правый сектор» и др.).

5. Зарубежное уголовное законодательство (например, УК Италии, Испании, Китая, Албании) широко использует институт соучастия особого рода для самостоятельной криминализации наиболее опасных групповых форм общественно опасного поведения, когда наблюдается «специализированное соучастие особого рода»: самостоятельную уголовную ответственность влечет не

только создание, руководство или участие в преступной организации вообще, но и те же действия в отношении преступной организации, действующей в конкретной преступной сфере (например, в сфере незаконного оборота наркотических средств, терроризма). Построение формы «специализированного соучастия особого рода» основывается на общих критериях соучастия особого рода вообще и единства терминологии: 1) преступная организация → 1.1) преступная организация в сфере оборота наркотических средств, 1.2) террористическая организация.

Такое законодательное решение обусловлено желанием государства усилить уголовно-правовую борьбу с проявлениями организованной преступности в конкретных предметных областях. Критериями для выделения специализированного соучастия особого рода являются: цель, предметная область действия, степень организованности, структурированность.

6. Сложное соучастие (соучастие с разделением ролей), при котором, помимо исполнителя, имеются и иные виды соучастников (организатор, подстрекатель, пособник), необходимо дифференцировать в зависимости от количества исполнителей: а) один исполнитель либо б) два и более исполнителя. Содеянное при сложном соучастии должно квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору, если в преступлении участвовали лица, заранее договорившиеся о его совершении вне зависимости от числа исполнителей, в том числе, и при одном исполнителе. В связи с вышеизложенным, часть вторую статьи 35 УК РФ предлагаем изложить в следующей редакции:

«2. Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления, вне зависимости от числа исполнителей (соисполнителей) и выполняемых иными соучастниками ролей. В случае совершения преступления одним исполнителем, остальные участники преступления несут ответственность со ссылкой на статью 33 УК РФ, за

исключением случаев, когда они одновременно являлись исполнителями преступления».

7. Террористическое сообщество и экстремистское сообщество представляют собой такую форму соучастия особого рода, которая может существовать либо в форме преступного сообщества (преступной организации), либо в форме организованной группы. Существование в УК РФ статей 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в ней» и 282.2 «Организация деятельности террористической организации», неоправданно, поскольку к числу объективных и субъективных критериев, характерных для террористического и экстремистского сообществ, добавляется решение властного органа (в нашем случае, суда) о наличии этой искусственной формы соучастия *sui generis*, и, это властное решение является, практически, единственным отличием террористической организации и экстремистской организации от террористического сообщества и экстремистской организации в рамках действующего УК РФ.

8. Незаконное вооруженное формирование по своей структуре относится к преступному сообществу (преступной организации), поскольку осуществление боевых операций такими формированиями предполагает обязательную структурированность, единое командование, наличие структурных подразделений разведки, связи, обеспечения. Термин «формирование» предусматривает существование структуры, готовой к проведению операций по типу войсковых, что не позволяет относить к незаконному вооруженному формированию любую группу вооруженных людей, лишь только на том основании, что объединение этих вооруженных людей не предусмотрено федеральным законом.

9. Основными критериями отличия преступного сообщества (преступной организации) от организованной группы является структурированность группы, что означает ее высокую степень организованности как единого преступного «механизма»; тщательное планирование преступлений, что проявляется в четком взаимодействии ее структурных подразделений; специальные действия, направленные на обеспечение безопасности преступного сообщества (преступной

организации), такие как, коррупционные преступления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов, и в отношении них с целью своевременного получения информации об оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действиях в отношении преступного сообщества; минимальный численный состав.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая и практическая значимость проведенного диссертационного исследования состоит в том, что его результаты, положения и выводы могут быть использованы при совершенствовании учения о соучастии, в правотворческой деятельности при совершенствовании уголовного законодательства в части регламентации уголовной ответственности за групповые преступления, правоприменительной деятельности и учебном процессе в юридических вузах при преподавании уголовного права, квалификации преступлений и специальных курсов о преступлениях, совершенных в соучастии, в том числе, совершаемых формированиями организованной преступности; при организации повышения квалификации практических работников. Кроме того, упорядочение и совершенствование критериев разграничения групповых преступных образований обеспечит эффективность применения уголовного законодательства, минимизирует и уточнит пределы усмотрения правоприменителя.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации; нашли отражение в восьми публикациях, четыре из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень, определенный ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Кроме того, результаты проведенного исследования внедрены в учебный процесс юридического факультета Университета прокуратуры Российской Федерации и используются в деятельности Московской городской коллегии адвокатов.

Структура диссертационного исследования определяется целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, объединяющие девять параграфов, заключение и список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, и степень ее научной проработанности, раскрываются, цель, задачи, объект и предмет работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся данные о результатах апробации, а также формулируются основные положения, выносимые автором на защиту.

Первая глава **«Институт соучастия в преступлении: историко-правовой, структурный и компаративный анализ»** состоит из трех параграфов.

В параграфе 1.1 **«Эволюция института соучастия в преступлении в уголовном праве России»** определяется институциональная природа соучастия в преступлении и представлены результаты ретроспективного анализа отечественного нормативного материала и уголовно-правовой теории.

Автором доказывается четырёхкомпонентная структура института соучастия, включающая идеи (принципы), нормативный материал, регулируемые общественные отношения и доктринальные разработки. За счет последнего компонента – научных воззрений, автором дополняется существующая в концепция уголовно-правовых институтов.

Особо подчеркивается то, что зачатки института соучастия заложены уже в первых писаных памятниках древнерусского права. Первые законодательные постановления относительно соучастия обнаруживаются в IX веке и содержатся в наиболее значимом памятнике древнерусского права – Русской Правде. Они предопределили одно из направлений последующего развития идеи о равенстве оснований ответственности соучастников в преступлении.

Отражены различные подходы законодателя к формированию норм о видах соучастников. Одним из первых критериев классификации соучастников явился

так называемый функционально-ролевой подход, сохранивший во многом свое значение для изложения нормативного материала о видах соучастников и сегодня.

В работе показано значение нормативного обособления заговора (Сборник постановлений церковно-земского собора 1551 г.), как одной из характеристик соучастия. Это в дальнейшем повлияло на выделение признака совместности в понятии соучастия и заложило основу формирования концепции соучастия особого рода (соучастие «*sui generis*»).

Важное значение уделяется Соборному Уложению 1649 г., поскольку с его принятием нормы об умышленном участии в преступлении нескольких лиц (по сути о соучастии в нем) получают нормативное обособление. Кроме того, в этом документе впервые содержатся понятия о разновидностях соучастия особого рода – о скопе и заговоре, а также представлены первые попытки установить индивидуализацию ответственности соучастников. Утверждается, что положения Соборного Уложения 1649 г. дали начало развитию соучастия как цельного института отечественного уголовного права.

Далее исследован вопрос о развитии учения о соучастии в период петровских реформ и выявлены особенности этого этапа (децимация).

Русское дореволюционное уголовное право прошло долгий путь от зарождения самого института соучастия без какого-либо разделения ролей соучастников до оформившегося (к тому историческому моменту) полноправного уголовно-правового института, предусматривавшего дифференциацию ответственности соучастников в зависимости от фактической роли в преступлении каждого из них, особенностей субъективной стороны, наличия или отсутствия предварительного сговора. Установлена тенденция ужесточения уголовной ответственности за преступления, совершенные в период войн и вооруженных конфликтов, когда, при назначении наказания (децимация), грубо попирались фундаментальные принципы уголовного права. Соучастие зародилось, во многом, «благодаря» таким преступлениям, которые можно назвать аналогом современного разбоя. Именно на дореволюционном историческом отрезке, включая его поздние стадии, оформляются разновидности

групп соучастников. Помимо прочего, этот институт развивался и в силу необходимости борьбы с антигосударственными и антиправительственными преступлениями.

Конец XIX – начало XX века ознаменовали развитие отечественной уголовно-правовой науки о соучастии, что проявилось в трех различных направлениях, обусловленных научными взглядами сторонников классической и социологической школ уголовного права.

Советский период развития отечественного законодательства и доктрины об ответственности за деяния, совершаемые в соучастии, имеет свои особенности. Социологизация права и решение общественно-политических задач в не последнюю очередь путем уголовно-правового инструментария привели к тому, что на первых порах становления советской власти борьба с преступлениями, совершенными в соучастии, как формой участия в контрреволюционных заговорах и организациях, приобрела приоритетное значение.

При установлении в первые годы Советской власти оснований уголовной ответственности за преступления, совершенные в соучастии, а также во время войн и вооруженных конфликтов, попирались фундаментальные принципы уголовного права (принцип вины, принцип справедливости, принцип гуманизма), что проявлялось в т.н. децимации (казни каждого десятого по жребию, вне зависимости от характера и степени общественной опасности деяния). Такое наказание имело, прежде всего, цель устрашения.

Отказ советского уголовного права от «старого» буржуазного опыта, продиктованный, прежде всего, идеологическими причинами, существенно затормозил эволюцию этого уголовно-правового института, и до середины пятидесятых годов прошлого века его развитие ограничилось уточнением некоторых видов соучастников и выделением наиболее опасных форм соучастия (шайка, банда, контрреволюционная организация).

Переломным этапом в развитии института соучастия в уголовном праве советского периода стало принятие Основ уголовного законодательства ССР 1958 г., где было зафиксировано понятие соучастия, сохранившееся и в действующем

уголовном законодательстве, практически, в первоизданном виде. Во второй половине 60-х годов прошлого века в отечественном УК продолжают развиваться нормы об ответственности за преступления в виде соучастия *sui generis*, а конец 90-х годов прошлого века ознаменовался реакцией уголовного права на признание официальной властью существования организованной преступности в стране.

В начале-середине 90-х годов прошлого века некоторые Постановления Пленума Верховного Суда РФ породили серьезную, и до сих пор, не решенную проблему научно-практического характера относительно признания или непризнания соучастия в преступлении, в случае его совершения совместно с «негодным» субъектом.

Во параграфе 1.2 **«Институт соучастия в современном российском уголовном праве»** анализируется динамика и состояние современного уголовного законодательства, правоприменительной практики и доктринальных воззрений.

Важное внимание уделяется произошедшим изменениям в прикладном понимании групповой преступности, что явилось результатом трансформации этого вида преступности за последние четверть века (включая тенденции транснационализации, специализации и роста уровня организованности преступности).

Установлено, что нормы института соучастия в его современном уголовно-правовом «контексте» базируется на соответствующих принципах, которые можно разделить на общие и специальные.

Общие принципы охватывают все уголовное право безотносительно к тому, какой конкретно институт подвергается анализу (принципы законности, справедливости, вины и т.д.). Специальные принципы характерны именно для института соучастия. К последним отнесены: принцип дифференциации уголовной ответственности соучастников в зависимости от их роли в совершении преступления и принцип индивидуализации уголовной ответственности в зависимости от юридически значимых признаков личности каждого соучастника;

принцип взаимосвязи и взаимозависимости между действиями исполнителя и действиями других соучастников; принцип освобождения соучастников от уголовной ответственности в соответствии с полнотой их действий, направленных на предотвращение преступления; принцип приоритета уголовно-правового противодействия организованной преступности; принцип неотвратимости ответственности для каждого участника деяния; принцип равного основания уголовной ответственности за совместное совершение преступления и за совершение преступления одним лицом; принцип самостоятельной ответственности каждого из участников деяния.

Отмечается, что институт соучастия, отраженный в нормах Общей части УК РФ, никаким изменениям не подвергался, что не соотносится с изменениями в общественно-политической жизни, криминальными реалиями и развитием научно-технического прогресса. В связи с чем, дальнейшее изложение параграфа построено по принципу исследования проблемных вопросов современного института соучастия и представления их решений.

Одна из таких проблем – нерешенность вопроса уголовно-правовой оценки действий «негодного» субъекта в контексте соучастия. Исследование доктринальных воззрений и спровоцировавших научную дискуссию противоречий в толковательных практиках Верховного Суда РФ, привило к выводу о том, что участие годного субъекта в совершении преступления совместно с негодным субъектом (не подлежащим уголовной ответственности, в силу возраста, невменяемости или иных причин) не образует соучастия, поскольку действия последнего не могут рассматриваться как совместные в силу отсутствия у него умысла – обязательного признака соучастия. В связи с чем теоретически обоснованы изменения в содержание 32 УК РФ, учитывающие среди прочего и зарубежный опыт в решении подобной проблемы.

Другая научно-прикладная трудность, отчасти обусловленная нормативной неурегулированностью, связана с квалификацией соучастия в преступлении со специальным субъектом. Правило о квалификации подобных ситуаций, изложенное в ч. 4 ст. 34 УК РФ, касается преступлений, совершаемых в группе (со

сговором и без такового). Судебная практика устойчиво демонстрирует другой подход: в тех случаях, когда преступление совершается организованной группой, все ее участники несут ответственность как соисполнители независимо от той роли, которую они выполняли. Эта позиция вызывает нарекания, так как противоречит принципу разделения властей. Фактически Верховный Суд РФ, излагая в постановлениях Пленума такой подход к квалификации, выполняет нормотворческие функции. С учетом исторического подхода к решению подобной проблемы и с опорой на доктринальные разработки в диссертации аргументирована необходимость дополнения уголовного закона предписаниями о том, что положения части четвертой ст. 34 УК РФ не применяются в тех случаях, когда преступление совершено организованной группой (предложена редакция ч. 4¹ ст. 34 УК РФ).

Большое внимание в работе уделено проблемным аспектам понимания и толкования субъективных признаков института соучастия (возможность/невозможность соучастия с косвенным умыслом; допустимость/недопустимость односторонней субъективной связи при соучастии; уголовно-правовое значение факультативных признаков субъективной стороны преступления, совершенного в соучастии, и осознания юридически значимых свойств каждого из соучастников; включение/невключение соглашения, достигнутого в процессе присоединения к преступной деятельности других лиц, в число субъективных признаков группы лиц по предварительному сговору).

Авторское решение обозначенных проблем заключается: в обосновании допустимости соучастия с косвенным умыслом только в преступлениях с материальным составом; аргументации дифференцированного подхода к возможности односторонней субъективной связи в зависимости от формы соучастия (такая связь вполне допустима для организованных преступных групп и преступных сообществ), а также особенностей учета на практике осознания двумя лицами характеристик видового объекта преступного посягательства и наличия признаков специального субъекта при разномотивированных действиях каждого

из них; изложении отдельных правил юридической оценки действий лиц присоединившихся к выполнению «группового преступления».

Отдельно поставлен и решен вопрос о социальной опасности преступлений, совершенных в соучастии. В диссертации приводится ряд теоретических доводов, развивающих идею о том, что соучастие во всех случаях повышает общественную опасность деяния.

Обращение к вопросу о возможности/невозможности признания любого совершенного в соучастии преступления как преступления совершенного группой лиц, привело к выводу о том, что соучастие – это одна из разновидностей совместной социальной деятельности, где, как и в любом другом виде совместной деятельности, имеет место единение усилий действующих лиц, для достижения поставленной цели. По своей сути, понятия соучастия и группы абсолютно одинаковые. Понятие группы в уголовно-правовом и социально-психологическом смыслах также совпадают, с тем исключением того, что группу в уголовно-правовом смысле могут образовать только субъекты преступления

Установлено, что диспозиции ряда норм Особенной части УК РФ сформулированы без учета различной степени общественной опасности тех или иных форм соучастия, когда «под крышей» одного квалифицирующего признака уместается совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. Такое положение дел нарушает принцип дифференциации уголовной ответственности.

Отдельным направлением изучения и совершенствования института соучастия является соучастие «особого рода», которое, с одной стороны должно соответствовать общим критериям соучастия, а с другой – соответствовать реалиям борьбы с конкретными групповыми преступлениями.

Параграф 1.3 **«Международный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия преступлениям, совершенным в соучастии»** посвящен исследованию особенностей регламентации уголовной ответственности за преступления, совершенные в соучастии, в нормах международного права, а также в законодательстве зарубежных стран.

В международном праве институт соучастия в преступлении получил свое закрепление и его корни восходят к Уставу Нюрнбергского трибунала над главными нацистскими преступниками.

В междугородных документах соучастие характеризуется практически теми же основными признаками, что и в отечественном уголовном праве. Между тем, имеются и определенные различия: в международном уголовном выделяется пять самостоятельных видов соучастников: исполнитель, организатор, руководитель, подстрекатель, пособник; группа лиц в международном праве, учитывая специфику преступлений, предполагает предварительный сговор, и, в то же время, допускается ее существование, когда предварительного сговора не будет.

Подчеркивается, что положения Конвенции ООН от 15 ноября 2000 года имеют принципиально важное значение для развития отечественного уголовного законодательства и практики его применения в части понимания организованной преступной группы (учет количественного признака).

Соблюдение Россией требований Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, в части уголовно-правового противодействия этому явлению, требует внесения дополнений в УК РФ в виде статьи 210.1 «Организация транснациональной организованной группы или транснационального преступного сообщества (транснациональной преступной организации) или участие в них». Такой шаг объясняется невозможностью выполнить требования Конвенции в рамках только действующих норм УК РФ о соучастии. Уголовное законодательство некоторых зарубежных стран имплементировало буквально положения данной Конвенции о транснациональных организованных группах.

Среди прочих причин, развитие современных технологий обостряет прикладную потребность введения в УК РФ статьи, предусматривающей ответственность за создание и участие в транснациональном преступном сообществе, что позволило бы решить проблему применения норм российского уголовного законодательства независимо от местонахождения соучастников, а

равно местонахождения технических средств, необходимых для совершения подобного рода преступлений.

Уголовная ответственность за преступления, совершенные в соучастии, по законодательству зарубежных стран базируется на двух самостоятельных подходах: первый состоит в том, что все соучастники, вне зависимости от их роли, несут одинаковую ответственность как соисполнители (теория эквивалентности). Второй исходит из того, что ответственность каждого соучастника наступает в зависимости от его роли в совершенном преступлении. Российскому уголовному праву свойственны оба этих подхода в зависимости от форм соучастия, при том, что отечественная уголовно-правовая доктрина теорию эквивалентности отвергает.

Уголовное законодательство некоторых зарубежных стран, в отличие от российского, признает возможным и соучастие в неосторожных преступлениях.

В некоторых зарубежных странах уголовные кодексы не только обязывают суд назначать иным соучастникам менее строгое, нежели исполнителю, наказание, но и устанавливают фиксированный размер наказания для иных соучастников, который меньше нежели размер наказания исполнителя. Такой подход, по нашему мнению, заслуживает пристального внимания и широкого обсуждения в отечественной уголовно-правовой науке, при том, что, при определении «порога» наказания для иных соучастников, следует использовать зарубежный опыт.

В ряде зарубежных стран ответственность соучастников зависит от категории тяжести совершенного деяния. Совершение наименее тяжких деяний (нарушений, проступков) либо вообще не влечет ответственности иных соучастников, либо влечет ее, но только для некоторых видов соучастников. Данный подход может быть воспринят российским УК в свете возможного появления в нем уголовного проступка и дальнейшего курса на гуманизацию уголовного законодательства, а также экономию уголовной репрессии.

Зарубежное уголовное законодательство широко использует институт соучастия особого рода для самостоятельной криминализации наиболее опасных

групповых форм общественно опасного поведения, при этом часто наблюдается следующий феномен – «специализированное соучастие рода» (например, самостоятельную уголовную ответственность влечет создание, руководство или участие в преступной организации вообще, но и те же действия в отношении преступной организации, действующей в сфере незаконного оборота наркотических средств, терроризма). Критериями для выделения специализированного соучастия особого рода являются: цель, предметная область действия, степень организованности, структурированность.

Вторая глава диссертации «**Определение преступных групп в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации**» содержит три параграфа.

В параграфе 2.1 «**Преступные группы в контексте Общей части УК РФ: проблемы квалификации и разграничения**» представлены результаты системного анализа уголовно-правовых предписаний Общей части УК РФ и уголовно-правовой доктрины о «групповом» совершении преступления; критически оценивается феномен судейского нормотворчества в части понимания признаков «групповых» преступлений и аргументируются авторские решения в части нормативной регламентации форм соучастия.

Критериями квалификации преступных групп в Общей части УК РФ выступают: характер объединения соучастников, степень их организованности, согласованность действий, роль в достижении общего преступного результата, наличие или отсутствие предварительного сговора.

Все формы соучастия в российском уголовном праве сводятся к следующим: а) простое соучастие (соисполнительство), при котором каждый из соучастников полностью или частично выполняет объективную сторону преступления; б) сложное соучастие (соучастие с разделением ролей), при котором, помимо исполнителя, имеются и иные виды соучастников, существующее в следующих видах (в зависимости от количества исполнителей): с одним исполнителем либо с двумя и более исполнителями; в) организованная группа (три вышеназванные формы выступают формами соучастия *sui generalis*, при том, что организованная группа может иметь форму и *sui generis*); 4)

преступное сообщество/преступная организация (последняя форма «живет» в уголовном праве, только будучи представленной в Особенной части УК РФ соучастием “*sui generis*”).

В уголовно-правовом смысле «группа» и «соучастие» синонимичны друг другу. Принятые в науке обозначения «группа лиц без соучастия» и «соучастие без формы» не отражают истинного смысла института соучастия: первое обозначает фактическую группу лиц, среди которых лишь один является годным субъектом, а второе исходит из неверной посылки о том, что группа лиц по предварительному сговору возможна при наличии минимум двух исполнителей.

Подходы практиков к квалификации преступлений, совершенных в соучастии, нередко противоречат уголовно-правовой доктрине и друг другу: одни и те же действия признаются в одном случае исполнительскими, а в другом – пособническими.

В связи с чем разъяснения постановлений Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о некоторых категориях преступлений нуждаются в уточнении относительно оценки действий тех лиц, которые фактически не выполняли действий, непосредственно направленных на совершение преступления.

В параграфе 2.2 **«Группа лиц и группа лиц по предварительному сговору»** представлены результаты исследования вопроса о содержании признаков групповых преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 35 УК РФ, в уголовно-правовой доктрине и судебной практике.

Главной отличительной чертой преступления, совершенного группой лиц, является отсутствие предварительного сговора, т.е. другие соучастники присоединяются к совершению преступления на той стадии, когда преступление уже началось, но еще не окончилось.

Соучастие с разделением ролей возможно, в некоторых случаях, без предварительного сговора, когда пособник оказывает необходимое, но заранее не обещанное, содействие исполнителю преступления уже на стадии покушения.

Действия соисполнителей в таких формах соучастия как «группа лиц» и «группа лиц по предварительному сговору» проявляются, *inter alia*, в следующем техническом распределении ролей: а) соисполнители выполняют, соответственно, основную и вспомогательную части объективной стороны преступления; б) соисполнители выполняют, соответственно, полностью и частично объективную сторону преступления; в) каждый из соисполнителей выполняют свои части объективной стороны, которые, взятые в системном единстве, составляют объективную сторону преступления в полном объеме.

По времени осуществления исполнительские действия (в пределах данной формы соучастия) можно разделить на два вида: «изначальные» и «присоединяющиеся». В первом случае соисполнители и начинают и оканчивают преступления вместе. Во втором – другие соисполнители (или один соисполнитель) присоединяются к уже начатому другим лицом (другими лицами) преступлению.

Современная криминальная действительность свидетельствует о фактическом существовании такой формы групповой преступности как «группа лиц по предварительному сговору в рамках группы лиц». Квалификация содеянного в таком случае будет по наиболее тяжкому признаку (группа лиц по предварительному сговору). Таким образом, формула «соучастие в соучастии» справедлива не только для соучастия *sui generis*.

Группа лиц по предварительному сговору характеризуется двумя признаками: 1) участием только соисполнителей и 2) наличием предварительного сговора.

Сговор – договоренность или соглашение о совершении преступления, состоявшаяся до момента покушения на преступление. В связи с чем, предварительный сговор (в его общепринятом понимании) на этапе выполнения объективной стороны невозможен.

Практика уголовно-правового противодействия преступлениям, совершенным в соучастии, свидетельствует о необходимости расширить возможности уголовного права в этом отношении, переименовав группу лиц по

предварительному сговору в группу лиц по соглашению, поскольку в рамках действующей концепции предварительного сговора не будет считаться соучастием присоединение лица к совершению преступления, начатого другими лицами, при том, что обе «стороны» осознают совместные действия друг друга и согласны с ними.

Параграф 2.3 **«Организованная группа и преступное сообщество (преступная организация)»** содержит решение вопроса о сущности и содержании организованной группы как формы соучастия.

Обязательность квалификации действий всех участников организованной группы, вне зависимости от выполняемых ими ролей, как исполнителей должна быть закреплена в уголовном законе, поскольку установление такого правила Верховным Судом РФ нарушает принцип разделения властей, ввиду того, что оно представляет собой особый, исключительный случай квалификации, не согласующийся с общим учением о соучастии с разделением ролей.

Для признания совершения преступления организованной группой достаточно наличия и одного лица, выполняющего объективную сторону преступления. Преступление признается совершенным организованной группой, даже при наличии ненадлежащего специального субъекта, что так же должно быть непосредственно отражено в уголовном законе.

Отсутствие в организованной группе руководителя (организатора) (по криминологической терминологии – «лидера») не препятствует признанию ее таковой. Следовательно, наличие лидера не может признаваться неотъемлемым признаком организованной группы, хотя, результаты изучения судебной практики свидетельствуют, что таковой имеется в подавляющем большинстве случаев.

Организованная группа (более сложная форма соучастия) может появиться в результате трансформации группы лиц по предварительному сговору (менее сложная форма соучастия), при этом, впоследствии такая организованная группа сама трансформируется в одну из форм соучастия «особого рода». В свою очередь, одна форма соучастия *sui generis* может переродиться в другую, также более сложную форму соучастия *sui generis*. Схематично это может выглядеть

следующим образом: группа лиц по предварительному сговору (ч.2 ст. 35 УК РФ) → организованная группа (ч.3 ст. 35 УК РФ) → банда (ст. 209 УК РФ) → преступное сообщество (преступная организация) (ст. 210 УК РФ).

Финансовая или иная материальная выгода, которую стремятся получить преступное сообщество (преступная организация), включает в себя: деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера, имущественные права.

Деяния, совершаемые преступным сообществом (преступной) организацией, и, направленные на прямое или косвенное получение финансовой или иной материальной выгоды, соответственно, включают в себя две группы преступлений: 1) преступления, где, в качестве предмета, выступают вышеперечисленные финансовые или иные материальные выгоды, за счет приобретения которых преступники желают обогатиться сами либо обогатить третьих лиц; 2) преступления, не посягающие на вышеуказанный предмет, но, совершаемые из корыстной заинтересованности:

- экономические преступления, связанные с реализацией изготовленного преступниками криминального продукта (например, контрафактной одежды, обуви, строительных материалов);

- преступления, связанные с возмездным сбытом предметов, изъятых из гражданского оборота, или оборот которых ограничен (сбыт наркотических средств, психотропных веществ, огнестрельного оружия и т.д.);

- преступления вспомогательного характера, совершаемые с целью облегчить основное преступление из первой группы (похищение человека из корыстных побуждений, чтобы впоследствии осуществить вымогательство в отношении самого потерпевшего или его близких).

Обязательными признаками преступного сообщества (преступной организации), отграничивающими его от организованной группы являются: а) количественный состав (не менее четырех лиц, способных нести уголовную ответственность); б) структурированность, которая и воплощает в себе такое понятие как «организация» (данная форма соучастия в обязательном порядке

имеет структурное строение и состоит из взаимосвязанных между собой частей, звеньев, подразделений, обеспечивающих безопасное существование и преступную деятельность преступного сообщества (преступной организации), что отличает ее от простого разделения ролей, и если речь идет о преступном сообществе (преступной организации), которое состоит из объединившихся под единым руководством организованных групп, то и в данном случае мы имеем место со структурированностью, поскольку есть и руководство, и взаимосвязанные подразделения в виде, как минимум, двух организованных групп; в) наличие руководства, которое может быть как единоличным, так и коллегиальным.

Все формы соучастия (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, вне зависимости от числа исполнителей и иных соучастников, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация) суть группы разного порядка, разной степени сплоченности, структурированности, устойчивости, но именно группы, что дополнительно указывает на тождественность понятий «соучастие» и «группа».

Третья глава исследования «Нормативная регламентация преступных групп в Особенной части УК РФ» состоит из трех параграфов.

В параграфе 3.1 **«Нормативная регламентация преступных групп террористической направленности»** анализируется содержание уголовно-правовых об ответственности за преступления террористической направленности, среди которых выделены три формы соучастия *sui generis*: 1) террористическое сообщество (статья 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем»); 2) террористическая организация (статья 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»); незаконное вооруженное формирование (статья 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»).

Террористическое сообщество представляет собой такую форму соучастия особого рода, которая может существовать либо в форме преступного сообщества (преступной организации), либо в форме организованной группы.

Существование в УК РФ статьи 205.5 нарушает каноны построения форм соучастия, когда к числу его критериев (объективных и субъективных), добавляется решение властного органа (суда) о наличии такой формы, и, это является, практически, единственным отличием террористической организацией от террористического сообщества в рамках действующего УК РФ. Исходя из этих обстоятельств, обосновано исключение этой статьи из УК РФ. В свою очередь, признак запрещенности террористического сообщества можно указать в качестве особо квалифицирующего в статье 205.4 УК РФ.

Незаконное вооруженное формирование по своей структуре относится к преступному сообществу (преступной организации), поскольку осуществление боевых операций такими формированиями предполагает обязательную структурированность, единое командование, наличие структурных подразделений разведки, связи, обеспечения.

Основываясь на общих и специальных принципах института соучастия (справедливости, приоритета уголовно-правового противодействия организованной преступности), аргументировано ограничить уголовную ответственность по ст. 208 УК РФ наличием преступных целей. Это позволит дифференцировать уголовную ответственность за создание, руководство и участие в незаконном вооруженном формировании в соответствии с предписаниями пункта 2 статьи 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», а также минимизировать уголовную репрессию.

В параграфе 3.2 **«Нормативная регламентация преступных групп экстремистской направленности»** выявлены формы соучастия *sui generis* экстремистской направленности по УК РФ и на основе изучения судебной практики проведен анализ содержания этих форм в контексте существующих правоприменительных проблем.

Так, к числу названных форм соучастия предложено относить: экстремистское сообщество и экстремистскую организацию.

Установлено, что экстремистское сообщество может существовать как в виде организованной группы, так и в виде преступного сообщества (преступной

организации). Следовательно, возникает необходимость гармонизировать положения Общей и Особенной части УК РФ относительно преступного сообщества (преступной организации), поскольку экстремистское сообщество, создается с целью совершения не только тяжких или особо тяжких преступлений, но и преступлений небольшой или средней тяжести, причем исключительной экстремистской направленности. В связи с чем предлагается исключить из содержания части 4 статьи 35 УК РФ указание только на корыстные цели преступного сообщества (преступной организации), а в совершаемые таким сообществом преступления включить преступления средней тяжести, что будет соответствовать требованиям Конвенции ООН 2000 года о борьбе с транснациональной организованной преступностью.

Отождествление судами структурных подразделений и частей экстремистского сообщества не соответствует уголовному законодательству, которое прямо различает эти два понятия.

Как и в случае с преступлением, предусмотренным статьей 205.5 УК РФ, такие формы соучастия *sui generis* являются искусственными и не соответствующими общим признакам соучастия. Наличие или отсутствие решение властного органа о признании той или иной организации экстремистской не является обязательным признаком соучастия, а потому обосновано, что данную статью следует исключить из УК РФ как излишнюю и дезориентирующую. Участие же в деятельности экстремистского сообщества, уже запрещённого законом, следует определить в качестве квалифицирующего признака преступления, предусмотренного статьей 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В параграфе 3.3 «**Нормативная регламентация иных преступных групп**» рассмотрены виды преступных групп (особых форм соучастия), ответственность за создание и руководство которыми (участие в них), предусмотрены статьями 209 и 210 УК РФ.

В процессе исследования установлено, что фактически банда, как разновидность соучастия *sui generis* может существовать и в форме

организованной группы, и в форме преступного сообщества. Судебная практика знает не мало примеров структурированных банд. При этом мотивация бандитизма может быть любой (корыстная, насильственная, экстремистская и т.д.).

Банда может существовать и в форме организованной группы (прямое указание закона), и в форме преступного сообщества (фактическое положение дел). Структурированность банды, существующей в форме организованной группы, либо объединение двух банд, существующих в форме организованных групп, переводят их в разряд преступного сообщества, что должно быть отражено в диспозиции статьи 209 УК РФ.

Оконченное создание банды на этапе сговора свидетельствует о заимствовании российским уголовным правом англо-саксонской концепции сговора (conspiracy), что лишний раз доказывает влияние на российский уголовно-правовой институт соучастия не только романо-германской правовой семьи.

Основное отличие банды от незаконного вооруженного формирования заключается в разной степени вооруженности (у незаконного вооруженного формирования эта степень выше), разных формах соучастия (незаконного вооруженного формирования может существовать только в форме преступного сообщества (преступной организации) и в более высокой степени опасности незаконного вооруженного формирования вообще, поскольку рассчитано это формирование изначально на ведение боевых действий).

Создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами заключается не просто в действиях по их объединению, а в действиях, которые именно привели к объединению организованных групп.

В форме преступного сообщества (преступной организации) могут функционировать экстремистские и террористические сообщества, а также банды. Незаконные вооруженные формирования существует исключительно в форме преступного сообщества (преступной организации).

Основными критериями отличия преступного сообщества (преступной организации) от организованной группы является структурированность группы, что означает ее высокую степень организованности как единого преступного «механизма»; тщательное планирование преступлений, что проявляется в четком взаимодействии ее структурных подразделений; специальные действия, направленные на обеспечение безопасности преступного сообщества (преступной организации), такие как, например, коррупционные преступления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов, и в отношении них с целью своевременного получения информации об оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действиях в отношении преступного сообщества; особый численный состав.

В процессе функционирования соответствующих форм организованной преступности организованная группа может трансформироваться в преступное сообщество (преступную организацию) и наоборот.

В **заключении** диссертационной работы формулируются основные выводы и предложения.

**Основные положения диссертационного
исследования опубликованы в следующих работах:**

Статьи в рецензируемых изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России:

1. Горемычкин, И.Е. Сравнительный анализ уголовного законодательства в области борьбы с преступной деятельностью групповых образований экстремистской направленности в России и Федеративной Республике Германия [Текст] / И.Е. Горемычкин // Вестник Российской правовой академии. – 2013. – №4. – С. 71–76. – 0,5 п.л.

2. Горемычкин, И.Е. Сравнительный анализ уголовного законодательства в области борьбы с преступной деятельностью групповых образований террористической направленности в России, Австрии и Федеративной Республике Германия [Текст] / И.Е. Горемычкин // Вестник Российской правовой академии. –

2014. – №2. – С. 49–53. – 0,4 п.л.

3. Горемычкин, И.Е. Соотношение групповых образований Общей и Особенной частей уголовного закона России (на примере статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Текст] / И.Е. Горемычкин // Вестник Российской правовой академии. – 2015. – №1. – С. 46–49. – 0,4 п.л.

4. Горемычкин, И.Е. Соотношение уголовно-правовых норм о групповых преступлениях Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ (на примере статьи о массовых беспорядках) [Текст] / И.Е. Горемычкин // Российский следователь. – 2017. – №13. – С. 23-26. – 0,4 п.л.

Статьи в иных изданиях:

5. Горемычкин, И.Е. Сравнительный анализ уголовного законодательства в области борьбы с бандитизмом в России и Федеративной Республике Германия [Текст] / И.Е. Горемычкин // Научная перспектива. – 2014. – №3. – С. 60–62. – 0,3 п.л.

6. Горемычкин, И.Е. Соотношение групповых образований Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ (на примере статьи 208 и 209 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Текст] / И.Е. Горемычкин // Высшая школа. – 2015. – №5. – С. 30–33. – 0,3 п.л.

7. Горемычкин, И.Е. Некоторые актуальные проблемы института соучастия [Текст] / И.Е. Горемычкин // Образование и право. – 2019. – №3. – С. 146 – 149. – 0,4 п.л.

8. Горемычкин, И.Е. Нормативная регламентация преступных групп экстремистской направленности [Текст] / И.Е. Горемычкин // Молодой ученый. – 2019 – №23. – С. 443 – 446. – 0,3 п.л.